

В.Е. Селиверстов

О КОНТУРАХ И РЕАЛИСТИЧНОСТИ НОВОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ СИБИРИ

В статье рассмотрены целесообразность и предпосылки формирования новой модели развития Сибири, даны понятия национальной и региональной моделей развития. Показаны особенности и сформулированы направления реализации модели развития Сибири в условиях адаптации к вызовам и угрозам последнего времени, в том числе выделены пять типов маневрирования и приспособления к новым условиям развития: структурный маневр, транспортно-логистический маневр, управленческий маневр, научно-технологический маневр, пространственный маневр. Рассмотрены контуры новой модели развития Сибири, которая может быть реализована в период перехода на траекторию возобновляющегося экономического роста России с его высоким качеством. Предложены шесть векторов – основополагающих принципов и направлений реализации такой модели, главными из которых являются переход на модель возобновляющегося роста социальной ценности, усиление связности пространства Азиатской России и формирование новой системы трансграничных взаимодействий. Исходя из анализа Основных положений XIV пятилетнего плана народно-хозяйственного и социального развития КНР и перспектив до 2035 года показано, что Китай в своих стратегических планах фактически ориентирован на такую модель развития. В заключение дана оценка реалистичности предлагаемой модели развития Сибири.

Ключевые слова: национальные и региональные модели развития; модель развития Сибири; пространственное развитие; региональная политика; восточный вектор развития России; связность пространства; модель роста социальной ценности; трансграничные взаимодействия; адаптационная модель Сибири; Сибирское отделение РАН

Для цитирования: *Селиверстов В.Е.* О контурах и реалистичности новой модели развития Сибири // Регион: экономика и социология. – 2024. – № 1 (121). – С. 66–114. DOI: 10.15372/REG20240102.

ПРОБЛЕМНАЯ СИТУАЦИЯ: СИБИРЬ НА ПЕРЕПУТЬЕ В НАЧАЛЕ НОВОГО ЭТАПА РАЗВИТИЯ

В канун памятной даты – 300-летия Российской академии наук важно оценить ее роль в научном сопровождении процессов освоения географического пространства России, формирования экономического и геополитического пространства страны и развития ее стратегически важных макрорегионов, к которым в первую очередь относится Сибирь. Здесь российская экономическая, географическая, геологическая, историческая науки и другие смежные области знаний прошли громадный путь: от гениального предвидения М.В. Ломоносова о том, что «российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном» (это было сказано в 1763 г.) до научного обоснования крупнейших проектов формирования современного экономического и научно-технического каркаса Сибири (создание Урало-Кузнецкого комбината, открытие гигантских месторождений нефти и газа и формирование Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, Ангаро-Енисейская программа, программа формирования зоны Байкало-Амурской магистрали и др.). Особый успешный мегапроект – это создание Сибирского отделения Академии наук СССР, которое стало признанным флагманом советской и российской науки. Процессы научного сопровождения стратегий и программ развития Сибири рассмотрены нами в работе [13].

Задача отечественной экономической науки – не только фиксировать и анализировать экономические процессы, происходящие во времени и пространстве, не только выполнять «экспертную функцию» по оценке программных документов развития страны, ее отраслей, регионов и сфер деятельности, но также обосновывать и предлагать пути решения наиболее острых проблем в развитии российской экономики и российского общества. Одной из таких проблем является реализация новой модели развития Сибири, призванной ликвидиро-

вать «узкие места» и барьеры в функционировании экономического пространства этого макрорегиона и мобилизовать все его потенциальные конкурентные преимущества и колоссальный природно-ресурсный, научный и производственный потенциал.

Различные аспекты решения этой проблемы рассматривались в исследованиях Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, и в частности в научных разработках автора настоящей статьи. Они нашли отражение как в многочисленных публикациях, например в [14; 19], так и в экспертных заключениях на различного рода программы и стратегии развития Сибири и ее регионов. Особую значимость имеет цикл исследований 2020–2022 г. в рамках реализации крупного междисциплинарного научного проекта «Социально-экономическое развитие Азиатской России на основе синергии транспортной доступности, системных знаний о природно-ресурсном потенциале, расширяющегося пространства межрегиональных взаимодействий» (грант Минобрнауки России), инициатором которого и головной организацией был ИЭОПП СО РАН [9]. Интересный «географический взгляд» на современную Сибирь представлен в научном сборнике Русского географического общества № 154 «Преодоление “континентального проклятья”: будущее Сибири», выпущенного в 2022 г. [12].

Необходимость изменений в модели развития Сибири очевидна не только для российских ученых, но и для зарубежных аналитиков. Так, еще в 2004 г. автор участвовал в Международном симпозиуме «Сибирь и российский Дальний Восток в XXI веке: партнеры в азиатском сообществе», который проходил в Университете Хоккайдо (Япония). Нам запомнилось выступление профессора Т. Хасегавы (Университет Санта-Барбары, США), который сказал буквально следующее: «Меня не покидает чувство deja-vu. В выступлениях на симпозиуме говорилось о том, что Сибирь – богатейший регион в мире по масштабам и разнообразию топливно-энергетических и других природных ресурсов. Однако развитие Сибири сдерживают некомплексный характер ее экономики, отставание от европейской части по уровню жизни населения, нерешенность проблем транспортного

освоения этой территории. Но ведь ровно те же слова я слышал на других конференциях и пять, и десять, и двадцать лет назад».

Используя исторические ретроспекции, следует вспомнить и другое высказывание о Сибири, на этот раз российского императора Александра III: «Уж сколько отчетов генерал-губернаторов Сибири я читал и должен с грустью сознаться, что правительство до сих пор ничего не сделало для удовлетворения потребностей этого богатого, но запущенного края. А пора, очень пора». Это была резолюция императора, сделанная им в 1886 г. на отчете генерал-губернатора Восточной Сибири графа А.И. Игнатьева, обосновывающем необходимость ускоренного развития железнодорожного строительства в Сибири. И сейчас это воспринимается как очередное «дежа-вю», но уже почти с полуторавековым интервалом. Сразу вспоминается изречение П.А. Столыпина: «В России все меняется за десять лет, но ничего за двести».

Не будем цифрами подтверждать сложность и проблемность развития Сибири, некоторые цифры приведены в табл. 1, а более подробно эти тенденции рассмотрены в работах [9; 13; 14; 19]. В результате этой сложности на социально-экономическом пространстве Сибири образовался клубок проблем и противоречий, затрудняющих эффективное и гармоничное развитие природного, производственного и человеческого потенциала края, и наибольшую озабоченность вызывает ситуация в социальной сфере. Отставание в уровне социально-экономического развития Сибири и продолжающееся доминирование его сырьевой ориентации становятся особенно заметны на фоне существенного роста экономического потенциала граничащих с Россией на востоке северных и северо-восточных территорий Китая [11]. Отметим лишь, что основной диагноз вековых болезней развития Сибири можно сформулировать следующей триадой.

1. Во все периоды главным драйвером развития этого макро-региона были национальные цели и задачи (расширение геополитического пространства страны путем движения на восток; оборона и национальная безопасность, в том числе на восточных рубежах; создание ресурсной базы отечественной промышленности; наполнение государственного бюджета; ядерная и космическая программа

Таблица 1

**Доля Сибирского федерального округа в основных показателях
Российской Федерации, %**

Показатель	1995	2010	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Население	12,57	12,05	11,98	11,97	11,95	11,89	11,86	11,83
Валовой региональный продукт	13,73	10,17	9,74	9,62	9,74	9,86	9,74	9,69
Занятость	12,80	11,38	11,29	11,14	11,11	11,14	11,13	11,21
Инвестиции в основной капитал	11,51	9,86	9,18	9,05	8,95	9,02	9,76	9,56
Конечное потребление	12,93	9,77	9,18	9,08	8,98	8,97	9,07	9,00
Доходы консолидированных бюджетов	12,84	10,87	9,74	9,98	10,03	10,21	10,19	10,32

Примечание: для сопоставимости все расчеты сделаны без учета Крыма, Сибирский федеральный округ учитывался в современных границах – без Республики Бурятия и Забайкальского края.

Источник: статистические сборники Росстата «Регионы России».

страны и т.д.). Интересы же сибирских регионов и их населения во всех этих процессах практически не учитывались.

2. В СССР элементы «колониальной» политики по отношению к Сибири осуществлялись самим государством и во имя провозглашенных стратегических государственных целей. Особенностью же постсоветской России (и более всего в XXI в.) явилось то, что такая политика стала реализовываться не только государством. В эту сферу включился крупный бизнес (транснациональные и вертикально интегрированные компании и госкорпорации), эксплуатирующий сибирские ресурсы в узкокорпоративных интересах. И сегодня можно констатировать, что для Сибири эта политика уже стала неподъемной.

3. Столетиями сибиряки рассматриваются государством и бизнесом просто как один из видов ресурсов, без которого невозможно развивать производство. Добыча угля, нефти и газа, производство металлов и электроэнергии являются самоцелью. Человек и природа отошли на второй план. Социальная ответственность российского

бизнеса оказалась несопоставимой по сравнению с тем, как это практикуется в развитых государствах мира.

Поэтому необходимость реализации новой парадигмы экономического развития Сибири назрела, но она тормозится как фундаментальными институциональными ограничениями (об этом будет сказано позже), так и спецификой развития в настоящее время.

В последнее десятилетие государство декларировало стратегическую значимость Сибири (знаменитое высказывание Президента РФ В.В. Путина: «Развитие Сибири и Дальнего Востока – главный стратегический приоритет страны на весь XXI век»). Был провозглашен «восточный вектор» развития России, который фактически стал просто дальневосточным, Сибирь в нем практически никак не присутствует. Пока реальная значимость таких государственных инициатив по отношению к Сибири оказалась весьма невысокой. И именно данное обстоятельство вынуждает поднять вопрос, хотя бы со стороны науки, о новой модели развития этого макрорегиона.

Безусловно, огромное влияние на тенденции социально-экономического развития Российской Федерации и Сибири в последнее десятилетие оказало то, что страна стала жить в новой экономической и геополитической реальности в результате санкционного давления на нее со стороны коллективного Запада в связи с событиями, происходящими на Украине. Но в последние четыре года внешняя ситуация и внешние шоки уже приобрели характер глобальных угроз. Вначале страна (как и весь мир) столкнулась с необходимостью борьбы с пандемией коронавируса. И это противостояние, по сути, стало «генеральной репетицией» жизни в гораздо более сложных условиях новой глобальной угрозы – фактического объявления России экономической, технологической и культурной блокады недружественными странами.

Современная ситуация значительно осложняет развитие экономики Российской Федерации, Сибири и всех других территорий страны. Она требует неординарных управленческих решений как в области национальной экономики и национальной безопасности, так и в сфере международных связей. Выскажем некоторые соображения об адаптации развития регионов Сибири к новой геополитической

и экономической ситуации и попробуем обозначить контуры новой модели развития. При этом мы исходим из позиции Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, заключающейся в том, что при рассмотрении любых общероссийских тенденций, прогнозов, политик, новых вызовов и угроз огромное значение имеет учет их пространственного аспекта, который в ряде случаев имеет первостепенное значение.

Поскольку далее мы часто будем использовать термин «модель развития», обозначим вначале наше понимание этого термина.

О НАЦИОНАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ МОДЕЛЯХ РАЗВИТИЯ

Национальную модель развития мы понимаем как интегральную совокупность модели государственного устройства, экономической модели государства, модели государственного управления, системы институтов, регулирующих эти модели, а также действующих в данный период времени политической, экономической и оборонной доктрин той или иной страны.

В свою очередь, модель государственного устройства может быть унитарной, федеративной или конфедеративной. Различают форму правления, форму (тип) политического режима (демократический, авторитарный, тоталитарный) и форму государственного устройства.

Экономическая модель государства описывает хозяйственный механизм страны, в том числе форму государственного управления экономическим развитием (централизованное или децентрализованное), доминирующие формы собственности и степень самостоятельности ее экономических агентов. Существуют такие модели (типы) национальной экономики, как командная (плановая) экономика, рыночная экономика, смешанная экономика. На формирование экономической модели государства оказывает влияние природно-ресурсный фактор (например, наличие или отсутствие значимых топливно-энергетических и минерально-сырьевых ресурсов).

Понятие «модель развития» мы считаем более емким, чем понятие «тип развития», поскольку в нем присутствует не только кон-

статация особенностей развития того или иного государства, но и представление об институциональных и управленческих факторах и условиях.

Следует подчеркнуть четыре важных свойства национальной модели развития:

1) взаимосвязанность и взаимообусловленность ее важнейших составных частей. Так, модель государственного устройства влияет на экономическую модель (но не определяет последнюю полностью), экономическая модель связана с моделью государственного управления и т.д.;

2) динамичность (привязанность ко времени) национальной модели. В разные временные периоды она полностью или лишь частично соответствует глобальным (мировым) трендам научно-технического или геополитического развития;

3) объективность де-факто. Тип (модель) национального развития определяется не столько конституционной закреплённостью государственного устройства или декларируемой властью страны эффективностью ее экономической модели, сколько реальным состоянием экономики и общества на фоне мировых тенденций и практик развития. Так, СССР согласно Конституции формально являлся федеративным государством, однако практика жесткого политического и партийного руководства со стороны КПСС превращала страну в «квази-федерацию»;

4) наличие и качество интеграционных взаимодействий различных акторов экономической модели и модели государственного управления, эффективность сочетания в них формальных и неформальных норм и правил.

В качестве гипотезы выдвинем предположение о воздействии этнонациональной специфики (включая исторические традиции, влияющие на характер и ментальность нации) на формирование той или иной модели развития государства или групп государств. Не случайно введены в обиход понятия азиатской, европейской, латиноамериканской моделей национального развития.

Понятие *региональной модели развития* является производным и усеченным от понятия национальной модели. В нем, например, отсутствует представление о региональной модели государственного устройства; предполагается, что региональная экономическая модель и система регионального управления определяются национальными нормами и правилами. Поэтому *региональную модель развития следует трактовать скорее как проекцию национальной модели на конкретный регион с учетом его региональной специфики и действующей в данном государстве системы межбюджетных и межправительственных отношений*¹. В качестве региональной специфики могут рассматриваться особенности обеспеченности природными ресурсами, особенности структуры производства, этнонациональные и конфессиональные особенности, качество регионального управления и др. Последнее имеет особую значимость, равно как и действующая экономическая доктрина развития данного региона, закрепленная в программных документах регионального стратегического планирования и реализованная в системах регионального стратегического управления.

Такую гипотезу мы выдвинули и подтвердили на примере сопоставления моделей развития Новосибирской и Кемеровской областей [25]. В частности, было показано, что в условиях, когда доминантой развития Кемеровской области была и остается эксплуатация уникальных природных ресурсов этого региона, а Новосибирская область из-за отсутствия таковых была вынуждена использовать другие источники роста, они по-разному сформировали доктрины своего развития и реализовали их в управленческих решениях.

Новосибирская область стала модельным примером развития регионов Сибири по несырьевому пути, в полной мере реализовав свои основные конкурентные преимущества: выгодное экономико-географическое положение и наличие уникального научно-образовательного комплекса. За последние полвека Новосибирская область трижды меняла свой имидж, роль и значимость в экономической системе страны: в 60–80-е годы прошлого века была одним из наиболее раз-

¹ То есть вертикальных и горизонтальных отношений между различными уровнями государственной власти.

витых регионов РСФСР со специализацией на развитии машиностроения (преимущественно оборонного), с конца 1980-х годов до окончания 1990-х позиционировалась как «новый депрессивный регион» и наконец в первом десятилетии нового века вошла в группу наиболее динамично развивающихся субъектов Российской Федерации с диверсифицированной структурой экономики и с ориентацией на инновационный путь развития.

Кемеровская область (Кузбасс) как модельный пример сырьевой ориентации развития сибирского региона, оказалась в «институциональной ловушке» избранной парадигмы развития «все для добычи угля и все во имя угля». Как показали работы Лаборатории экономических исследований Кемеровской области ИЭОПП СО РАН, кузбасская модель конкурентоспособности, по сути, оказалась привязана к экспортной модели угольного бизнеса: с ростом цен на уголь растут индикаторы конкурентоспособности и связанные с этим объемные (валовые) показатели, с падением – происходит мультипликативное снижение итоговых показателей. Главная проблема, которую пока не удалось решить региону, состоит не в том, что следует отказаться от ресурсного направления роста, а в том, что необходимо формировать его новое качество, включая не только и даже не столько «монетизацию», сколько «социализацию» получаемых эффектов – конвертацию инноваций не только в прибыль инвесторов, но и в качество жизни населения.

Избранные этими регионами модели развития не могли не сказаться на итоговых характеристиках их социально-экономического развития и на позиционировании в общероссийских рейтингах, в которых за последние 10–15 лет произошли существенное усиление позиций Новосибирской области и ослабление позиций Кемеровской. Так, в 2023 г. Новосибирская область вошла в пятерку лидеров национального рейтинга научно-технологического развития регионов².

Другим примером реализации эффективной модели развития является Татарстан. Республика в полной мере воспользовалась опреде-

² См.: Дмитрий Чернышенко выступил в Госдуме в рамках правительственного часа. – URL: <http://government.ru/news/50340/>.

ленными предпочтениями, которые она получала в федеративной системе России в 1990-е годы, а также «монетизировала» и грамотно использовала свои нефтегазовые ресурсы, в том числе на цели инновационного и социального развития.

Хорошо известен опыт южных прибрежных провинций Китая, которые стали «мотором» китайской модернизации и построения моделей регионального инновационного развития. Полярный пример – модель Аляски как «региона-корпорации», успешно реализованная ее идеологом, бывшим губернатором этого штата У. Хиклом [17].

Эти примеры показывают, что решающую роль в формировании сильных региональных моделей играют институты, верно выбранная доктрина развития региона и качество регионального управления.

МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ СИБИРИ В УСЛОВИЯХ АДАПТАЦИИ К ВЫЗОВАМ И УГРОЗАМ ПОСЛЕДНЕГО ВРЕМЕНИ

В современных условиях объективно существуют серьезные финансово-бюджетные ограничения, которые будут сдерживать возможные эксперименты с новой моделью развития сибирских регионов. Бюджетные возможности Российской Федерации относительно сокращаются при выполнении социальных обязательств государства и одновременном сильном росте расходов на нужды обороны и безопасности. Эти ограничения необходимо учитывать в системе государственного управления и в системе принятия решений бизнес-структурами, следуя правилу «надейся на лучшее, но готовься к худшему». Поэтому говоря о реформировании экономики и социальной сферы Сибири на основе перехода на новую модель развития, нужно выделять три периода:

- период острой фазы геополитического противостояния с коллективным Западом;
- период относительной стабилизации с переходом на модель «гибридной» экономики с большей ориентацией на внутренний рынок товаров и услуг («экономика выживания»);

- период смены парадигмы экономического развития и перехода на траекторию возобновляющегося экономического роста с его высоким качеством.

Давая оценки развитию Сибири в первые два отмеченных периода, следует исходить из того, что Россия в это время фактически переходит на рельсы мобилизационной экономики, т.е. экономики, в которой ее ресурсы аккумулируются для противодействия угрозам существования страны. Во время противодействия пандемии коронавируса РФ также развивалась по модели мобилизационной экономики, но в другой «ипостаси» – антикризисной экономики, связанной с чрезвычайными обстоятельствами. Поэтому в первые два указанных периода Россия будет вынуждена реализовывать экономическую политику импортозамещения, обхода санкций, параллельного импорта, конкурсов с единственным поставщиком, новых экспортно-импортных схем и т.д. Однако эти составляющие современного НЭПа будут объективно снижать эффективность российской и сибирской экономики и заставлять ее «примитивизироваться». Самое главное – возрастают издержки производства и логистики, связанные с приспособлением к новой ситуации, сокращаются возможности крупных технологических преобразований.

Мало кто не только из зарубежных, но и из российских аналитиков ожидал, что российская экономика в условиях глобального санкционного давления покажет такую устойчивость и даже перейдет к умеренному росту в 2023 г. Однако качество этого роста по очевидным причинам ухудшается, если рассматривать его составляющие. Все это формирует не «экономику развития», а «экономику выживания» с сильными элементами неэкономических принуждений.

Это подтверждают исследования развития ряда стран в условиях глобального санкционного давления. Так, анализируя иранский опыт пребывания под санкциями и проецируя его в качестве выводов для России, сотрудники Института экономики РАН Н.В. Смородинская и Д.Д. Катукоевы выявляют следующие возможные уязвимости в результате санкционного давления [15]: стагфляция (сочетание экономического спада и высокой инфляции); бюджетное стимулирование (госфинансирование приоритетных отраслей); ловушки «экономики

сопротивления» (проблемы, к которым приводит противостояние санкциям).

Поэтому в отношении первых двух выделенных периодов вряд ли можно говорить о масштабных сибирских реформах, здесь главное – это адаптация социально-экономических систем регионов Сибири к новым условиям развития. Коротко рассмотрим возможные контуры адаптационной сибирской модели в первой и второй фазах предстоящего развития.

Очевидный вывод состоит в том, что Сибирь, как и ранее, будет выполнять функции главного донора российского бюджета и валютных поступлений, значимость которых для организации новых импортных схем существенно возрастает. Хотя руководство страны заявляет, что «Россия слезает с нефтяной иглы» (основываясь на фактах, что ненефтегазовые доходы России за январь–май 2023 г. выросли почти на 10%)³, динамика этих процессов находится в большой зоне неопределенности, на которую РФ не может влиять. Поэтому сегодня и в ближайшей перспективе сибирские топливно-энергетические, минерально-сырьевые и лесные ресурсы по-прежнему будут оставаться одним из реальных источников валютных поступлений, которые крайне необходимы для реализации схем параллельного импорта, для закупок необходимого оборудования и комплектующих, а также для обеспечения нужд обороны и безопасности.

При этом надо быть реалистами и понимать, что смена вектора сибирских энергопоставок с западного на восточный не может быть осуществлена автоматически, здесь существуют сложные проблемы, в том числе логистического характера. Транссиб и БАМ перегружены, масштабные контейнерные перевозки блокируются отказом крупных страховых компаний их страховать и т.д. То есть ряд территорий, производств и кластеров Сибири могут оказаться в критической фазе рисков наращивания разрыва кооперационных цепочек и сильного влияния глобальной нестабильности на реализацию крупных бизнес-проектов.

³ См.: Путин заявил, что Россия слезает с нефтяной иглы. ТАСС, 16 июня 2023. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/18037351>.

Особую сложность представляет маневр по переключению поставок сибирского природного газа со стран ЕС на азиатские рынки (Китай, Индия и др.). Так, если в 2020 г. «Газпром экспорт» поставил на западно-европейский рынок 135,75 млрд куб. м газа, то в настоящее время эти поставки кратно уменьшились. Планируется к реализации новый суперпроект по поставкам 50 млрд куб. м газа в Китай «Сила Сибири – 2», однако пока китайская сторона занимает выжидательную позицию, лавируя между российским и туркменским («Линия D») проектами поставок газа. В любом случае, даже при достижении договоренностей, потребуется немало времени до прокачки газа по новому маршруту (напомним, что газопровод «Сила Сибири – 1», который выйдет на проектную мощность 35–38 млрд куб. м газа в год в 2025 г., строился почти 10 лет). В таких условиях эксперты указывают на реальность сокращения добычи нефти и газа на сибирских месторождениях и на необходимость консервации ряда скважин.

Большой оптимизм вызывают поставки сжиженного сибирского газа, здесь «Новатэк» в рамках реализации проекта «Арктик СПГ 2» совершил настоящий инновационно-технологический и производственный прорыв⁴. В 2023 г. была запущена первая линия сжижения природного газа на гравитационной платформе, которая будет отбуксирована по Северному морскому пути к месторождению «Утреннее» на Гыданском полуострове в Ямало-Ненецком автономном округе.

С учетом отмеченных рисков мы полагаем, что в сложившихся условиях скорее всего потребуются переоценка перспектив развития топливно-энергетического и минерально-сырьевого комплекса Сибири, которые раньше вырабатывались для условий стационарного и стабильного развития России. Таковую «инвентаризацию» сибирского ТЭК нужно проводить с учетом как возможных рисков прямого санкционного давления на этот сегмент экономики макрорегиона, технологической блокады поставок необходимого оборудования, так и действительной востребованности этой продукции на азиатских

⁴ См.: *Проект «Арктик СПГ 2»*. – URL: <https://www.novatek.ru/ru/business/arctic-lng/>.

рынках и реакции дружественных стран на возможные вторичные санкции, связанные с сибирским экспортом.

Все это говорится не для преувеличения угроз для Сибири из-за экономической и технологической блокады России. Это новая реальность, когда нужно минимизировать возникающие риски и по возможности использовать сложившуюся ситуацию себе во благо. Широко известна точка зрения, что любой кризис – это не только крупные риски и угрозы, но и новые вызовы и возможности. Поэтому в современной экономической политике регионов Сибири, с одной стороны, помимо мероприятий по импортозамещению, нужны комплексные страховочные мероприятия по демпфированию возникающих рисков (например, по поддержке социально-экономического развития территорий сокращения нефте- и газодобычи, по переподготовке и перепрофилированию кадров и т.д.).

С другой стороны, целесообразно максимально использовать новые возможности, на которые ранее в условиях относительно благополучного развития в силу ряда причин попросту не обращалось должного внимания. Например, рассматривая с современных позиций проблему так называемого «сырьевого проклятья» Сибири⁵, следует ориентироваться на то, что сложившаяся ситуация поневоле будет способствовать ее преодолению, так как появляется возможность переключить поставки газа на внутренний рынок, решить вопрос газификации сибирских и дальневосточных регионов и организовать в Азиатской России (в первую очередь в Сибири) крупномасштабную нефтегазохимию высоких переделов. Но при реализации на востоке РФ проектов нового поколения нефтегазохимии, возможно, придется столкнуться с трудностями в закупке импортного оборудования (производственных линий, фактически – целых заводов). Мы не обладаем информацией, производится ли такое оборудо-

⁵ В работе [20] В.А. Крюков и автор настоящей статьи показали, что «сибирского проклятья» и «сырьевой отсталости» Сибири на самом деле не существовало и не существует. Есть действительно «институциональное проклятье» Сибири, связанное с неспособностью государства рационально использовать ее пространство и ресурсы и с нежеланием бизнеса реализовывать на ее территории проекты глубокой переработки добываемого сырья и топлива.

вание в дружественных странах (в первую очередь в Китае), и не исключаем, что здесь могут возникнуть определенные проблемы.

Новая экономическая и геополитическая ситуация в России в условиях первой и второй фаз предстоящего развития будет требовать «реактивных» и неординарных действий как со стороны федеральных и региональных властей, так и со стороны бизнеса, работающего на территории Сибири (вне зависимости, крупные ли это вертикально интегрированные компании и госкорпорации или средний и малый бизнес, локализованный на территории субъектов Федерации). Опыт борьбы с коронавирусной инфекцией показал, что и органы государственной и муниципальной власти, и бизнес-структуры готовы к таким действиям с сильной концентрацией ресурсов и мобилизационных управленческих решений [26].

Здесь уместно вспомнить опыт политических и экономических реформ начала 1990-х годов, когда в условиях тотального дефицита и кризиса неплатежей местные органы власти регионов Сибири с подключением координационных советов Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» и отраслевых ассоциаций товаропроизводителей находили и реализовывали эффективные схемы межрегиональной кооперации (буквально в форме натурального товарообмена), которые содействовали разрешению этого кризиса.

Поэтому мы считаем, что адаптационная модель развития Сибири должна включать в себя пять типов маневрирования и приспособления к новым условиям развития: структурный маневр, транспортно-логистический маневр, управленческий маневр, научно-технологический маневр и пространственный маневр.

Структурный маневр наряду с возрождением сибирского ВПК и реализацией отраслевых программ импортозамещения, как нам представляется, должен быть ориентирован на

- реализацию новых проектов обеспечения продовольственной безопасности в интересах как внутреннего, так и внешнего рынка. Продовольствие становится важнейшим стратегическим ресурсом, и ряд сибирских регионов (Алтайский край, Омская и Новосибирская области, республики Алтай и Хакасия, юг Красноярского края) имеют хорошие конкурентные

позиции, в том числе по производству экологически чистого продовольствия;

- реализацию проектов освоения месторождений новых видов стратегического сырья, имеющего большой спрос на мировых рынках (импактные алмазы, редкоземельные металлы и др.). Перспективным продуктом является сапропель – многовековые донные отложения озер Западной Сибири. Это уникальный натуральный продукт, который используется для повышения продуктивности растениеводства и животноводства, для рекультивации почв. Институтом геологии и минералогии СО РАН им. В.С. Соболева совместно с ООО «Барабинский агрокомплекс» разработана технология комплексного использования сапропеля, организовано опытное производство продуктов на его основе. Они могут применяться как в агрокомплексе сибирских регионов в формате «зеленой экономики», так и за рубежом. Большой интерес к использованию сапропеля был проявлен в Китае, интересные перспективы связаны со странами Центральной Азии⁶;
- возрождение сибирского машиностроения (в первую очередь станкостроения и производства оборудования для топливно-энергетического и минерально-сырьевого комплекса Сибири). Наряду с машиностроительными предприятиями ВПК, которые имеют больше возможностей и компетенций для запуска таких производств, следует максимально поддерживать льготными кредитами и другими формами поддержки сегмент средних и малых сервисных компаний, обслуживающих сырьевые отрасли сибирской экономики. Положительный опыт создания таких конкурентоспособных компаний описан главным редактором журнала «ЭКО» академиком В.А. Крюковым в редакционной колонке «Криволинейная экономика», предваряющей цикл статей по функционированию России в условиях санкционного

⁶ В этом случае может быть реализована эффективная схема транспортировки нативного сапропеля и продуктов его переработки: многотонные фуры, доставляющие в сибирские регионы овощи и фрукты из Казахстана, Узбекистана, Киргизии, в обратном направлении могут быть загружены сапропелевой продукцией.

- давления [4]. На примере ремонта и модернизации уникального импортного оборудования для добычи нефти газлифтным способом он показал перспективы высокотехнологичного производства наукоемких видов оборудования и связанных с ним технологических решений (в том числе малыми сериями или поштучно) в рамках так называемой «гаражной экономики»;
- выход на российский и евразийские рынки высокотехнологичной продукции. Нужны проработка и реализация нескольких научно-инновационных межстрановых проектов, формирующих межрегиональные и транснациональные цепочки добавленной стоимости. Например, резидент Технопарка новосибирского Академгородка компания «Оксиал» (OCSiAl) является монополистом в масштабировании одностенных углеродных нанотрубок и промышленных модификаторов на их основе, концентрируя свыше 90% их мирового производства. Нанотрубки компании под брендом TUBALL являются уникальным материалом нового поколения, внесение которого в микроскопических количествах в традиционные материалы качественно меняет их свойства (придание электропроводности и улучшение физико-механических свойств различных материалов, в том числе красок и покрытий, резин и композитов, электрохимических источников тока и т.д.). Ранее планировалось масштабное использование этих нанотрубок в странах ЕС, в современных условиях целесообразно переориентироваться на такие страны, как Китай, Индия, Казахстан. Другим примером может стать использование сибирских природных рассолов, возникающих при добыче нефти и газа, для производства лития и на этой основе – аккумуляторов для электротранспорта. Ключевой компонент этой технологии – селективный сорбент для извлечения лития из хлоридных высокоминерализованных рассолов был разработан сибирскими учеными более 20 лет назад, позже апробировался новосибирской компанией ЗАО «Экостар-Наутех» в Китае. В настоящее время ООО «Иркутская нефтяная компания» приступает к добыче лития по этой техно-

логии из пластовых рассолов собственных нефтегазовых месторождений⁷.

В целом структурный маневр должен опираться на реализацию комплексных «импульсных» проектов, переводящих важнейшие отраслевые комплексы Сибири в новое качество развития⁸.

Транспортно-логистический маневр. Несовершенство транспортно-логистического каркаса Азиатской России явилось серьезным тормозом адаптации Сибири к новым геополитическим и экономическим условиям. В особо тяжелом положении оказалась Кемеровская область, традиционно осуществляющая массовые поставки угля в страны Северо-Восточной Азии. Поэтому интенсификация восточного вектора пространственного развития России и «релейное» переключение трансграничных взаимодействий с Западной Европы на страны АТР требуют экстренных мер по снятию транспортных барьеров в Сибири и на Дальнем Востоке. Этот маневр давно назрел, но он должен реализовываться не как изолированные акции РЖД и других транспортных компаний и операторов, а как часть комплексной программы повышения связности пространства Азиатской России (см. следующий раздел статьи). Для Сибири особую значимость приобретает строительство Центрально-Евразийского транспортного коридора через Монголию и Западный Китай (в 2023 г. Президентом РФ В.В. Путиным дано поручение правительству рассмотреть вопрос о его создании), новых транспортных выходов из Сибири (через республики Тыва и Алтай) на Синцзянь-Уйгурский автономный район КНР. В предстоящем периоде ожидаются полномасштабная навига-

⁷ См.: *ИНК* перенесла на два года начало первой в России промышленной добычи лития. – URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2021/10/17/891594-ink-promishlennoi-litiya>.

⁸ В рамках исследований по проекту «Социально-экономическое развитие Азиатской России на основе синергии транспортной доступности, системных знаний о природно-ресурсном потенциале, расширяющегося пространства межрегиональных взаимодействий» (головная организация – ИЭОПП СО РАН) было рассмотрено несколько таких проектов модернизации хозяйственного комплекса Сибири и Дальнего Востока: «Углеводороды ПЛЮС», «Металлургия ПЛЮС», «Уголь ПЛЮС», «Лес ПЛЮС».

ция по Северному морскому пути и начало строительства Северо-Сибирской железной дороги, научные обоснования по которой были сделаны еще в прошлом веке. Следует изучить возможности использования Китайско-Пакистанского экономического коридора для выхода России к Индийскому океану через территорию Сибири.

Управленческий маневр. В нынешних условиях острой фазы геополитического противостояния с коллективным Западом и в последующий период жизни в условиях продолжения санкций нужны как на федеральном уровне, так и в регионах и крупных городах РФ сильные управленческие решения по адаптации к сложившейся ситуации. Для этих целей в правительствах субъектов Федерации, в мэриях крупных городов создана сеть антикризисных штабов, которые оперативно реагируют на возникающие ситуации или угрозы. Мы полагаем, что корректировке должны подвергнуться правила и процедуры использования Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» № 172-ФЗ. Наша позиция (которая, впрочем, подвергается критике) состоит в том, что в современных условиях, когда внешняя и внутренняя ситуации характеризуются сильной турбулентностью и неопределенностью, следует на несколько лет заморозить разработку документов целеполагания для макрорегионов, субъектов Федерации и городов (речь идет традиционных стратегиях социально-экономического развития), они должны быть поставлены на паузу.

Должен быть использован альтернативный путь адаптации регионального и межрегионального стратегирования к изменившимся факторам и условиям развития и к глобальным шокам, которые затронули экономику и общество России. Регионы, отрасли и города Сибири нуждаются в «проблемно-ориентированных» документах по региональному и муниципальному развитию, в которых на принципах программно-целевого подхода обосновываются и предлагаются к реализации новые инвестиционные и инновационные проекты, решающие проблемы импортозамещения, расшивки узких мест в транспортно-логистическом комплексе, освоения новых ресурсов, имеющих большой спрос на мировых рынках, производства высокотехнологичной продукции с высокой добавленной стоимостью. В такого рода

документах (назовем их программами модернизации, импортозамещения, формирования новых региональных точек роста и т.д.) должны быть прописаны как механизмы реализации этих новых проектов, так и система государственной и государственно-частной поддержки региональных проектов национальной значимости. Сами региональные инвестиционные и инновационные проекты не должны быть развернутой заявкой на финансирование и на федеральную и региональную помощь. В них четко должны быть обоснованы их целесообразность и эффективность в формате финансового плана, обозначен срок окупаемости, дан прогноз конъюнктуры рынка и т.д.

Научно-технологический маневр. Сильное конкурентное преимущество Сибири – ее развитый научно-образовательный и инновационный комплекс в лице Сибирского отделения РАН, ведущих университетов, технопарков и инновационных компаний. Этот комплекс должен стать лидером научно-технологических преобразований в Сибирском макрорегионе в сложный период адаптации к внешним экономическим и геополитическим шокам. Для этого он обладает необходимыми компетенциями, но нужен новый механизм скорейшего внедрения перспективных разработок в производство.

Реальность быстрого сибирского научно-технологического маневра показала практика борьбы с пандемией коронавируса. При СО РАН была создана Межведомственная рабочая группа по коронавирусной инфекции, которая рассматривала предложения и разработки новосибирских академических институтов и частных компаний для их дальнейшей поддержки и продвижения на национальном и международном уровнях. В результате в Новосибирской области сформировался один из ведущих в России кластеров производства средств инфекционной диагностики (от разработок в области геномной инженерии до медицинских пластиков). Только за один 2020 г. выручка предприятий медицинской и биофармацевтической промышленности региона увеличилась с 4,6 до 11,3 млрд руб. ГНЦ вирусологии и биотехнологии «Вектор» принял на себя первый удар по тестированию заболевания, разработал одну из первых вакцин от коронавируса. Компании «Вектор-Бест», «Медико-биологический союз», «Биосан», «Биолабмикс» и другие в сотрудничестве с институтами

СО РАН на 100% обеспечили предприятия РФ ключевыми компонентами для ПЦР-тест-систем.

Другие два примера относятся к настоящему времени. В 2022 г. только за полгода Новосибирское предприятие «Катод» кратно увеличило выпуск электронно-оптических приборов ночного видения. Однако это было бы невозможно без тесного сотрудничества предприятия с институтами СО РАН (в первую очередь с Институтом физики полупроводников). В 2023 г. авиационная компания S7 приобрела Бердский электромеханический завод для производства и испытания авиадеталей. Известно, что замена авиадеталей для зарубежного самолетного парка, используемого российскими авиакомпаниями, в настоящее время невозможна из-за санкционных ограничений. Для обслуживания двигателей Airbus и Boeing будут использоваться разработанные в Институте теоретической и прикладной механики СО РАН установки для плазменного напыления (восстановления) лопаток турбин авиадвигателей.

Программа нового этапа развития Новосибирского научного центра «Академгородок 2.0» предусматривает создание в его ареале нескольких центров компетенций мирового уровня. В первую очередь это Сибирский кольцевой источник фотонов (СКИФ) и Центр компетенций «Генетические технологии». СКИФ – это установка класса мегасайенс, он будет первым в стране на момент создания источником синхротронного излучения поколения 4+ и по ряду позиций – лучшим в мире. Запуск СКИФ создаст новые возможности не только для фундаментальных научных исследований и разработки новых материалов. У компаний реального сектора экономики – фармацевтических, химических/нефтехимических, лесопромышленных компаний, предприятий металлообработки и микроэлектроники появится возможность проводить прикладные исследования для усовершенствования своей продукции. Проект «СКИФ» реализуется в рекордные сроки, уже в конце 2024 г. предполагается запуск его первых рабочих станций (всего их запланировано тридцать). Принципиально важно, что проект реализуется целиком на отечественном оборудовании, подавляющая часть СКИФ – это блоки и компоненты, разра-

ботанные и изготовленные в Институте ядерной физики СО РАН с участием его научных и промышленных партнеров.

В рамках научно-технологического маневра Сибирское отделение РАН в 2022 г. в сотрудничестве с крупными промышленными партнерами приступило к реализации трех крупных комплексных научно-технологических проектов – действенного инструмента в развитии сквозных технологий полного цикла для достижения технологического суверенитета страны: «Чистый уголь – зеленый Кузбасс», «Нефтехимический кластер», «Глобальные информационные спутниковые системы». На подходе прорывные технологии сибирских ученых в области искусственного интеллекта и нейросетей, персонализированной медицины, биотехнологии.

В выступлении вице-президента РАН, председателя СО РАН академика В.Н. Пармона на общем собрании Отделения 30 ноября 2023 г. отмечалось, что приоритетной и первоочередной задачей научно-технологического маневра сибирской науки является разработка новой редакции комплексного плана развития Сибирского отделения РАН⁹ с учетом приоритетов и долгосрочных планов развития Сибирского федерального округа, а также актуализированного применительно к современным условиям проекта развития Новосибирского научного центра «Академгородок 2.0».

Опыт прошлых лет показал, что без самоорганизации науки, без инициирования ею крупных исследований в интересах национальной экономики и безопасности не могут быть обеспечены импортонезависимость и технологический суверенитет России. Трудно представить, в какой ситуации оказалась бы сегодня страна, если бы в прошлые годы Институт катализа СО РАН не разработал линейку катализаторов для нефтепереработки и не добился бы тесной интеграции с компанией «Газпромнефть – Каталитические системы». Результатом такой кооперации стал недавний ввод в действие круп-

⁹ Здесь следует использовать позитивный опыт разработки Комплексной программы «Сибирь», сформированной Сибирским отделением АН СССР в 1978 г. и утвержденной в 1984 г. постановлением ГКНТ и Президиума АН СССР в качестве долгосрочной региональной научно-исследовательской программы государственного значения.

нейшего катализаторного завода в Омске, полностью решившего проблему импортозамещения катализаторов, необходимых для производства современных видов моторного топлива.

Важными направлениями научно-технологического маневра Сибири должны стать стимулирование инновационного спроса (здесь большое поле для взаимодействия федеральных и региональных органов власти, научного сообщества и бизнес-структур), а также усиление трансграничных взаимодействий ее региональных научно-инновационных экосистем и экспорт образовательных услуг (особенно со странами Центральной Азии – это мы показали на примере Казахстана [7]).

Пространственный маневр. Он должен быть направлен на ликвидацию негативных последствий разъединения экономического пространства всей Азиатской России по направлениям «запад – восток» (т.е. Сибири и Дальнего Востока) и «север – юг» (северных и арктических территорий и южных районов Азиатской России). Эти проблемы более подробно мы рассмотрели в работе [5]. В рамках пространственного маневра должны решаться приоритетные задачи как развития арктической зоны востока РФ, так и южной зоны Сибири (например, для последней в рамках упоминавшегося междисциплинарного проекта ИЭОПП СО РАН по Азиатской России предложена реализация импульсного проекта «Южно-Сибирская конурбация»). В основе пространственного маневра – формирование новой системы производственных, научно-технических и гуманитарно-культурных интеграционных взаимодействий сибирских и дальневосточных регионов.

Указанные виды эффективного маневра по адаптации регионов Сибири к новым геополитическим и экономическим условиям будут наталкиваться на институциональные, организационные и финансовые барьеры. Самые серьезные барьеры на пути такой адаптации – это дефицит кадров нужной квалификации и слабость отечественного машиностроения, которое пока не способно в полной мере заместить импортные поставки под ключ технологических линий для нефтехимии, малотоннажной химии, микроэлектроники, биотехнологий, биофармацевтики и т.д. Тем более важно развязать руки сибирской

науке, чтобы она взяла на себя ответственность за модернизацию производственно-технологического комплекса сибирских регионов и имела для этого необходимые ресурсы.

Конечно, будут существовать как внутренние, так и внешние риски в реализации адаптационной модели развития Сибири. Часть внутренних рисков мы упомянули. Что касается внешних, то помимо новых рисков, источником которых являются недружественные страны, определенные риски связаны и с ориентацией России и Сибири на Китай как на главного стратегического партнера. Здесь есть по крайней мере две потенциальные опасности.

Во-первых, ряд экспертов прогнозируют существенное замедление темпов роста китайской экономики, что объективно может привести к снижению потребления первичных топливно-энергетических и сырьевых ресурсов, главным поставщиком которых в КНР является Россия. Это, безусловно, не может не сказаться на российских доходах от их экспорта.

Во-вторых, другие эксперты предостерегают от опасности излишней ориентации российских трансграничных взаимодействий на эту страну. Так, академик С.М. Рогов считает, что разворот на Восток должен быть сбалансирован российскими интересами не только в Китае, но и в Индии¹⁰. Аналогичную позицию занимает и председатель совета директоров угледобывающей компании «Колмар» А.Е. Цивилева, которая отмечает, что хотя 80–90% российского угля сейчас идет в Китай, «это представляет собой риски, и необходима диверсификация» (в первую очередь задействование индийского направления). Она указала, что «Китай пользуется ситуацией», поскольку цены на российский уголь демпинговались в 2022 г. до 30–40%¹¹. Иными словами, существует точка зрения, что излишняя привязанность к крупнейшему стратегическому партнеру – КНР таит в себе определенные риски, в первую очередь структурного характера.

¹⁰ См.: Академик Сергей Рогов объяснил, почему России нужен не только Китай. – URL: <https://www.mk.ru/economics/2023/12/19/akademik-sergey-rogov-obyasnil-pochemu-rossii-nuzhen-ne-tolko-kitay.html>.

¹¹ См.: Глава «Колмара» заявила об отказе Японии и Южной Кореи от угля из России. – URL: <https://www.rbc.ru/business/06/09/2022/6316d5e59a79478cd07814b0>.

Мы не склонны преувеличивать такие риски (хотя они, в принципе, существуют), но на другую опасность современных российско-китайских взаимодействий мы вынуждены обратить внимание. Она связана с тем, что научно-техническое и инновационное сотрудничество России и Китая пока ориентируется на разные приоритеты. Для России важнейшее значение имеет масштабное китайское инвестирование в создание объектов научно-инновационной инфраструктуры и в развитие высокотехнологичных производств в РФ, а также реализация совместных российско-китайских научных проектов. Китай же больше ориентирован на привлечение в страну талантливых российских ученых с высоким научным статусом (академики, члены-корреспонденты, профессора) для проведения исследований в интересах КНР, а также на закупку перспективных российских научных и инновационных разработок, технологий и патентов для их использования в своей технологической сфере.

Необходимо соблюсти баланс между этими приоритетами и выработать политику паритетного научно-технического сотрудничества России и Китая, основанную на равноправном распределении эффектов сотрудничества между обоими его участниками и на защите прав интеллектуальной собственности. Если это удастся, то сибирской науке надо использовать «попутный ветер» китайской модернизации для «взлета» отечественных научных разработок и инновационных технологий.

КОНТУРЫ НОВОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ СИБИРИ

Заметим вначале, что понятие новой модели развития Сибири (или Сибирского федерального округа) достаточно условно, поскольку Сибирь в ее географическом и историческом понимании не обладает субъектностью. Поэтому новая сибирская модель (в трактовке, данной в разделе «О национальных и региональных моделях роста») может формироваться как синтез региональных моделей субъектов Федерации, расположенных на территории Сибирского макрорегиона. Каждая из них может иметь свою специфику, но важным является как наличие их общих черт, так и возможность взаимодополнения, которое может и должно содержать в себе потенциал синергического роста.

Говоря о новой модели развития Сибири в смысле идеальной ее конструкции, выделим шесть векторов – важнейших и основополагающих принципов и направлений (список приводится не в порядке важности или приоритетности):

- 1) переход на модель возобновляющегося роста социальной ценности;
- 2) усиление связности пространства Азиатской России и в ее рамках – связности сибирского пространства;
- 3) формирование новой системы трансграничных взаимодействий;
- 4) коренная модернизация стратегического планирования и управления на национальном, межрегиональном и региональном уровнях;
- 5) формирование элементов субъектности Сибири как целостной социально-экономической пространственной системы;
- 6) формирование новой модели финансово-экономических отношений федерального центра и регионов и переход на новые принципы недропользования.

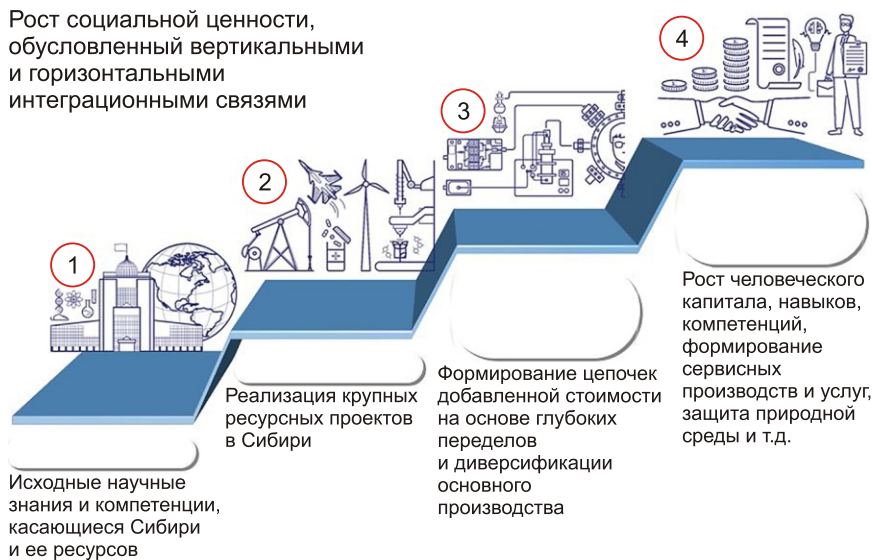
Коротко прокомментируем эти векторы преобразований.

Переход на новую экономическую модель развития Сибири и ее регионов должен опираться на идеологему, основа которой – отказ от эксплуатации природных ресурсов любой ценой и переход на наращивание человеческого капитала, его навыков и компетенций, на защиту природной среды, на усиление роли инноваций и знаний. Этого можно достичь путем перехода в регионах Азиатской России и на других территориях страны на *модель возобновляющегося роста социальной ценности*¹², которая является развитием ESG-подхода (Environmental, Social, and Corporate Governance).

На рисунке показано, что исходная точка в модели роста социальной ценности – знания и наука, а не сами по себе сибирские ресурсы. Именно поэтому практические разработки сибирской науки и под-

¹² Модель регионального развития, основанная на росте социальной ценности, успешно применена в таких странах, как Норвегия, Австралия и др. [18; 22; 23]. Впервые на возможность использования модели роста социальной ценности в практике развития и управления ресурсных регионов Азиатской России обратил внимание академик В.А. Крюков [21].

Рост социальной ценности,
обусловленный вертикальными
и горизонтальными
интеграционными связями

Диффузия социальной ценности, порожденная ресурсными проектами Сибири

Источник: разработано автором

держка науки, инноваций и знаний должны стать доминантой новой модели экономического развития Сибири. В XXI веке именно «мягкая сила» (с опорой на науку и новые технологии) составляет основу могущества любого государства, а не его военная мощь, которая, конечно, необходима для его обороны и безопасности.

Итак, если ранее население и люди рассматривались как производственный ресурс и развитие производительных сил основывалось на покорении природы и освоении ее ресурсов, то в новой модели человек и природа должны стать главной целью преобразований. Пока же Россия и Сибирь живут в мичуринской парадигме: «Нам не нужно ждать милостей от природы. Взять их у нее – наша задача». В целом, этот вектор новой модели развития Сибири должен синтезировать усилия по реализации на ее территории принципов и направлений устойчивого развития, «зеленой экономики» и новой социальной политики с опорой на науку, образование и на человеческий капитал.

Усиление связности пространства особенно важно для крупных по территории стран и для их макрорегионов, таких как Сибирь и Дальний Восток. Важно подчеркнуть, что связность территорий и пространства – это не просто транспортно-инфраструктурное сопряжение регионов, хотя большинство ученых именно таким образом это и трактуют. Так, А.Г. Гранберг вводит следующее определение связности (в его трактовке – «связанности»): «...интенсивность экономических связей между частями и элементами пространства, условия мобильности товаров, услуг, капитала и людей, определяемые развитием транспорта и коммуникационных сетей» [3, с. 25]. Мы считаем возможным расширить такое понимание связности и трактуем ее как степень и эффективность сопряжения, взаимодействия, взаимодополнения и интеграции частей экономического, социального, научно-технического, культурного и этнонационального пространства территориальных систем в разрезе их географических и административно-территориальных единиц, населенных пунктов и крупных хозяйственных объектов, а также как синергию природно-ресурсного и человеческого потенциалов регионов, их транспортной доступности и расширяющегося пространства межрегиональных взаимодействий [24].

Интегральная связность пространства означает также единство экономических, социальных, научно-технических, экологических, культурных, коммуникационных и прочих процессов. В современных условиях усиливается роль цифрового развития и цифровой инфраструктуры как нового цементирующего элемента повышения связности пространства, региональные научно-инновационные системы становятся системообразующими основами технологического, интеллектуального и культурного единства, обеспечивая межрегиональную диффузию и трансфер знаний и инноваций.

Именно в таком расширительном контексте следует оценивать создание на территории Сибири как внутристрановых, так и трансграничных транспортных коридоров. Их задача – формирование не только новых транспортно-логистических путей поставки грузов, но и новых центров экономической активности в зоне их притяжения. Такая трактовка привела к инициативам по созданию экономических

коридоров на евразийском пространстве (в частности, экономического коридора «Китай – Монголия – Россия»). На таких же принципах в советский период была разработана Программа хозяйственного освоения зоны Байкало-Амурской магистрали, научное сопровождение которой осуществляло СО АН СССР.

Однако усиление связности пространства требует крупных финансовых и материальных ресурсов и изменений в региональной политике, в ее институтах и механизмах. Недооценка важности этого направления в советский и постсоветский периоды привела к серьезным проблемам в транспортно-логистическом комплексе Азиатской России. Сегодня он не справляется с реализацией восточного вектора пространственного развития и трансграничных взаимодействий Российской Федерации. Пассивность государственной власти и бизнеса в этой области в постсоветский период привела к ослаблению функции Сибири и Дальнего Востока как моста между Европой и странами АТР. Этот вакуум заполнил Китай реализацией стратегической инициативы «Один пояс – один путь», предусматривающей строительство нескольких масштабных транспортных коридоров, минующих Россию.

Необходимость модернизации системы *трансграничных взаимодействий* как важнейшего вектора новой модели развития Сибири определяется тем, что в современных условиях Сибирь стала играть важнейшую роль центрального звена в треугольнике взаимодействий запада, востока и юга Евразии как макрорегион с уникальными природными ресурсами и с сильным научно-инновационным потенциалом. Сибирь приобретает функции важнейшего пространственного резерва России и ядра новой конфигурации евразийских экономических и научно-технических взаимодействий РФ. При этом г. Новосибирск реально становится главным научно-инновационным и транспортно-логистическим хабом трансграничных взаимодействий всей Азиатской России.

В основе новой конфигурации этих взаимодействий – одновременное усиление интеграционных связей регионов, секторов экономики, научно-образовательного комплекса Сибири по восточному вектору (с Китаем, Монголией, Вьетнамом и другими странами Се-

веро-Восточной и Юго-Восточной Азии) и по южному и юго-западному. Здесь в первую очередь следует обратить внимание на необходимость участия Сибири в усилении реинтеграционных взаимодействий РФ со странами Центральной Азии – Казахстаном, Узбекистаном, Киргизией, Таджикистаном, потенциал связей с которыми после распада СССР использовался явно недостаточно, а также с Индией, Пакистаном и Ираном.

Целесообразность и актуальность усиления связности пространства и формирования новой системы трансграничных взаимодействий на востоке РФ определяются важной особенностью современных мировых интеграционных процессов, состоящей в *повышении роли и значимости пространства*. Оно перестает быть тормозом развития, но становится сильнейшим стратегическим ресурсом крупных по территории стран. Но для того чтобы использовать этот ресурс, нужны не просто лозунги о новом евразийском партнерстве, а реализация масштабных инвестиционных проектов по преобразованию этого пространства. Это успешно осуществляет в настоящее время Китай в рамках своей стратегической инициативы «Один пояс – один путь». По такому же пути должна пойти и Россия, консолидируя инвестиционные и управленческие усилия по преобразованию пространства Сибири и Дальнего Востока [11].

Однако делая акцент на усилении трансграничных взаимодействий Азиатской России, и особенно Сибири, следует иметь в виду, что эта задача не должна подменять задачу укрепления внутрироссийских интеграционных связей: Сибири и Дальнего Востока, арктических и северных территорий и южных районов, которые должны быть «тыловой базой» освоения Севера и Арктики. Как отмечалось выше, в постсоветский период эти связи были нарушены, и их нужно срочно восстанавливать на новой основе. То есть нужно понимать, что никакая трансграничная интеграция невозможна без сильной внутрироссийской интеграции.

Необходимость *модернизации стратегического планирования и управления на национальном, межрегиональном и региональном уровнях* отчасти комментировалась выше в настоящей статье, а более подробно она обосновывается в работе [25]. Анализ стратегических

разработок в постсоветской России позволяет сделать вывод, что состояние дел в этой области гораздо лучше на региональном и муниципальном уровнях, чем на национальном и межрегиональном. Так, анализ Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года и принятой в январе 2023 г. Стратегии социально-экономического развития Сибирского федерального округа на период до 2035 года показал, что подобные программные документы стали формальным атрибутом недостаточно эффективной системы государственного регулирования пространственного развития Российской Федерации и государственной региональной политики и ее институтов. В таких условиях существуют серьезные риски стратегических просчетов в реализации курса на ускоренное развитие восточных районов России, Арктической зоны РФ, других важных в геостратегическом отношении территорий. Позиция ИЭОПП СО РАН здесь широко известна [27]. Отошлем к нашей совместной с академиком В.А. Крюковым статье с характерным названием «Стратегическое планирование пространственного развития России и ее макрорегионов: в плену старых иллюзий» [6].

В последнее время часто слышатся предложения о том, что и России, и Сибири для эффективного стратегического управления нужен «новый Госплан». Мы не склонны видеть в этом кардинальное решение проблемы. Главное сейчас – это перейти на всех уровнях управления (национальном, межрегиональном, региональном и корпоративном) на новые принципы *индикативного планирования*¹³.

¹³ В презентации акад. В.А. Крюкова и к.э.н. В.В. Шмата «О подходах к формированию системы индикативного планирования на примере химико-биологической промышленности», подготовленной для заседания Объединенного ученого совета СО РАН по экономическим наукам 29.11.2023 г., отмечено, что «индикативное планирование – способ регулирования экономических процессов путем определения рекомендуемых целей развития и создания государством разнообразных стимулов для тех экономических субъектов, которые соглашаются действовать в соответствии с государственными рекомендациями. ...Это должно стать преобладающей формой планирования в современных условиях, основанной на построении целостной системы государственных регуляторных механизмов (политических, финансовых, инвестиционных и проч.)».

Говоря об *обретении Сибирию ее субъектности*, мы вовсе не предполагаем, что она должна быть включена как целостный макро-регион в систему административно-территориального деления страны. Но она должна стать важнейшим объектом государственного регулирования пространственного развития Российской Федерации с наделением ее некоторыми *признаками субъектности*. В качестве таковых могут рассматриваться создание федерального Министерства по развитию Центральной и Южной Сибири по примеру федерального Министерства по развитию Дальнего Востока и Арктики, образование национально-региональных агентств типа Корпорации развития Енисейской Сибири, укрепление деятельности Межрегиональной ассоциации экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации «Сибирское соглашение» и отраслевых ассоциаций товаропроизводителей Сибири. Возможно создание Сибирского фонда регионального развития и интеграции как аналога структурных фондов региональной политики сплочения (Cohesion Policy) Европейского союза. Его средства могут формироваться за счет налоговых поступлений компаний, эксплуатирующих природные ресурсы Сибири, которые сейчас практически целиком оседают на федеральном уровне, а также за счет целевых государственных поступлений. Средства этого фонда должны расходоваться на реализацию межрегиональных проектов в Сибири (в том числе инфраструктурных), решения об их расходовании – приниматься совместно Правительством РФ и коллегиальным органом, представляющим интересы регионов Сибири.

Требуется консолидация представителей сибирских регионов в Совете Федерации и в Государственной Думе путем оформления межфракционной сибирской группы для отстаивания интересов Сибири в законодательном творчестве и т.д. Наконец, воссоздание прошлого статуса Сибирского отделения РАН с гарантированным финансированием крупных междисциплинарных научных проектов также может рассматриваться в качестве важного элемента усиления субъектности Сибири. Более подробно эти вопросы рассмотрены нами в работе [24].

Безусловно, важнейшим вектором новой модели развития Сибири должны стать *модернизация финансово-экономических отношений федерального центра и регионов и переход на новые принципы недропользования*. Это прерогатива федерального уровня государственного управления, необходимость такого реформирования давно назрела. В Центре ресурсной экономики ИЭОПП СО РАН разработаны предложения по новой модели недропользования в Российской Федерации, учитывающей как прогрессивный опыт других стран, так и специфику России и ее основных ресурсных регионов, которые по крайней мере должны иметь полномочия по решению основных проблем и определению направлений эффективного распоряжения недрами конкретных территорий, в том числе с использованием принципов «второго ключа» [8].

Отмеченные элементы новой модели развития Сибири по предложенным векторам могут начать вызревать в конце второго трансформационного периода (периода «гибридной экономики»). В то же время переход на парадигму развития Сибири на основе возобновляющегося роста социальной ценности является самым важным, но и наиболее трудным для реализации вектором новой сибирской модели. Для комплексного воплощения всех ее направлений нужны два непеременных условия: начало перехода России на траекторию возобновляющегося экономического роста и сильные институциональные изменения в национальной экономической модели.

КИТАЙСКИЙ ОПЫТ МОДЕРНИЗАЦИИ – «СТОЛБОВАЯ ДОРОГА» ДЛЯ СИБИРИ?

Обрисованные выше основные контуры новой модели развития Сибири в той или иной степени присутствуют в национальных моделях развитых стран мира. Важнейшие черты сибирской модели в части эффективного распоряжения ресурсным потенциалом четко просматриваются в модели развития Норвегии, Республика Корея является одним из лидеров в развитии «зеленой экономики» и т.д. Что касается комплексной «пакетной» имплементации основных принципов и направлений, которые должны составлять ядро новой модели

развития Сибири, то, по нашему мнению, в наибольшей мере этому соответствует новый этап китайской модернизации.

Экономические и политические преобразования в КНР, начало которым положил Дэн Сяопин политикой реформ и открытости, имеют почти 50-летнюю историю и сегодня выходят на новый уровень. На XX Всекитайском съезде КПК (октябрь 2023 г.) обсуждались Основные положения XIV пятилетнего плана народно-хозяйственного и социального развития КНР и перспектив до 2035 года (далее – Основные положения) [10].

Мы перевели с помощью самого точного на сегодня онлайн-переводчика DeepL, использующего для машинного перевода нейросети (конечно, произведя последующую стилистическую шлифовку), этот программный стратегический документ КНР. На ста пятидесяти его страницах представлено действительно комплексное, современное и стратегическое видение проблем и перспектив развития этой страны. Основные положения состоят из 19 крупных разделов (табл. 2), включающих 65 глав, каждая из которых состоит из нескольких статей. Сразу обращает на себя внимание, что вторым после вводного раздела, содержащего оценку итогов XIII пятилетки (2016–2020 гг.)¹⁴ и формулировку идеологических и экономических целей развития КНР на период до 2035 г., стал раздел, посвященный ориентации Китая на *научно-технологическое лидерство*.

Фактически это стало основой новой модели развития КНР. Несколько разделов документа посвящены проблемам пространственного развития, урбанизации, развития сельской местности. Хорошо представлены разделы по устойчивому развитию и «зеленой экономике», по построению «цифрового Китая», разделы, посвященные социальной политике, в центре которой – человек. В этом стратегическом документе четко отражены современные и перспективные мировые экономические и научно-технические тренды, прослеживается сдвиг концепции: от «сделано в Китае» (made in China) к «создано в Китае» (created in China).

¹⁴ Основная цель XIII пятилетки в КНР формулировалась как «построение “среднезажиточного общества” на основе смены модели развития китайской экономики, ориентированной на экспорт и заграничные инвестиции, на экономику, опирающуюся на внутренний спрос».

Таблица 2

**Разделы Основных положений XIV пятилетнего плана
народно-хозяйственного и социального развития КНР
и перспектив до 2035 года**

1. Начало нового пути к всестороннему построению современной социалистической страны	11. Содействие «зеленому» развитию и гармоничному сосуществованию человека и природы
2. Приверженность инновационному развитию и комплексное формирование новых преимуществ в развитии	12. Открытость внешнему миру на высоком уровне и новые горизонты взаимовыгодного сотрудничества
3. Ускорение развития современной индустриальной системы, консолидация и укрепление основ реального сектора экономики	13. Повышение качества жизни людей и содействие всестороннему развитию человеческого потенциала
4. Формирование сильного внутреннего рынка и построение новой модели развития	14. Укрепление благосостояния народа и повышение уровня совместного управления и совместной деятельности
5. Ускорение цифрового развития и построение «цифрового Китая»	15. Интеграция развития и безопасности в построении мирного Китая более высокого уровня
6. Всестороннее углубление реформ. Построение социалистической рыночной экономической системы высокого уровня	16. Ускорение модернизации национальной обороны и вооруженных сил, достижение единства богатой страны и сильной армии
7. Приоритетное развитие сельского хозяйства и сельских территорий и всестороннее содействие возрождению сельских районов	17. Укрепление социалистической демократии и законности, совершенствование системы партийного и государственного контроля
8. Совершенствование стратегии новой урбанизации и повышение качества урбанистического развития	18. Приверженность принципу «одна страна – две системы» и содействие воссоединению Родины
9. Оптимизация пространственной структуры экономики и содействие скоординированному региональному развитию	19. Укрепление гарантий осуществления планов
10. Развитие передовой социалистической культуры. Укрепление «мягкой» силы национальной культуры	

То есть можно сделать вывод, что в своих стратегических планах именно Китай фактически ориентирован на такую модель развития, на которую рано или поздно, как мы полагаем, должны перейти Россия и ее важнейший макрорегион – Сибирь. В основе этой модели – акцент на науку, технологии и знания как базис модернизации, на систему современного стратегического планирования и управления, на поддержание связности пространства страны, на человека и социальное развитие. Китайские ученые, в частности директор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук профессор Сунь Чжуанчжи [16], также подчеркивают, что в основе китайской модели модернизации – человек и социальные ценности, тогда как западная модель основана на повышении эффективности капитала.

Конечно, мы не считаем, что развитие современного Китая беспроблемно. Существуют риск роста авторитаризма в этой стране, риск «перегрева» китайского рынка недвижимости, вызывают сомнения этические основы реализации «социального кредитного рейтинга», эксперименты по которому проводятся в ряде провинций и городов, аналитики указывают на проблему развития национальных окраин КНР – Тибета и Синьцзяна (она, кстати, в Основных положениях не нашла отражения).

Но в целом разделы, главы и статьи Основных положений логично и четко выстроены, дополняют и развивают друг друга. В них прописаны не только целевые установки, но и конкретные направления их достижения. Например, в разделе по инновационному развитию сформулированы ключевые проблемы в передовых областях науки и техники, которые должны решаться на основе научно-технических инновационных платформ (новое поколение искусственного интеллекта, квантовые вычисления, интегральные схемы, наука о мозге, геномные исследования и биотехнология, клиническая медицина и здоровье, космос, глубоководные и полярные исследования). В соответствии с этим выделены необходимые направления развития национальной научно-технической инфраструктуры, предложены механизмы научно-технических инноваций. Первоочередное внимание уделено необходимости поддержки фундаментальной науки.

С позиций научной специализации автора статьи, а также опираясь на выдвинутое нами положение о важности эффективной системы стратегического планирования и управления в новой модели развития Сибири, отметим следующую характерную черту рассматриваемого программного документа Китая. Фактически в нем объединены стратегия социально-экономического развития, стратегия научно-технологического развития, стратегия пространственного развития, транспортная стратегия, а также стратегии реализации в Китае важнейших мировых трендов («зеленая» и «цифровая» экономика, устойчивое развитие, климатическая повестка и декарбонизация и т.д.). В заключительном разделе Основных положений формулируются гарантии и прописываются механизмы осуществления намеченных планов. Конечно, в анализируемом документе указанные стратегии обрисованы «широкими мазками», и полагаем, что для каждой из них имеются более детализированные программы с контрольными цифрами и конкретными мероприятиями. Но ценность рассматриваемого программного документа КНР, по которому будет развиваться страна в перспективе до 2035 г., состоит именно в его комплексности и системности.

На сказанное выше можно ожидать возражение, что все отмеченное в Основных положениях – не более чем лозунги. Но специфика развития Китая за несколько последних десятилетий отчетливо показывает, что китайские лозунги и призывы не расходятся с делами. Из нищей страны накануне реформ Дэн Сяопина Китай превратился в политического и экономического гиганта, ставит целью стать гигантом научно-технологическим и военным и на этой основе – одним из лидеров мирового переустройства.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: О РЕАЛИСТИЧНОСТИ НОВОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ СИБИРИ

В завершение поставим вопрос: реалистична ли и возможна ли в принципе реализация такой модели в России?

Что касается реалистичности, то пока, на наш взгляд, от федеральной власти нет четких сигналов о готовности к таким преобразова-

ниям. Подтверждением этого служит как Стратегия пространственного развития Российской Федерации, где Сибирь как таковая практически отсутствует, так и Стратегия социально-экономического развития Сибирского федерального округа на период до 2035 года, которая подвергалась критике не только со стороны научного и экспертного сообщества, но и со стороны губернаторов ряда сибирских регионов. Уже с начала 1990-х годов говорится о необходимости уйти от практики уплаты налогов по месту столичного расположения головных офисов крупнейших компаний-недропользователей, а платить их по месту основного производства. Прошло почти 30 лет, и лишь в июне 2021 г. в ходе ежегодной прямой линии Президент РФ В.В. Путин сказал: «...Я-то считаю, что в Сибирь надо бы переводить определенные федеральные структуры или как минимум переводить туда те наши крупные компании и головные офисы, которые работают в Сибири, а основные налоги платят, к сожалению, в Москве»¹⁵.

То есть пока суть существовавшей столетиями модели развития Сибири остается прежней. Причина этого кроется как в объективных, так и в субъективных факторах.

Во-первых, и это самое главное, *новая модель развития Сибири в принципе не может формироваться в рамках прежней национальной модели*. В этой негибкой модели вертикаль власти довлеет над горизонтальными интеграционными взаимодействиями, развитие регионов осуществляется в условиях жесткой централизации, предпринимается ситуативное (ручное) управление решением важнейших стратегических вопросов. Как отмечалось выше, в современных условиях экономической и технологической блокады России Сибирь будет продолжать испытывать на себе пресс в качестве основного донора федерального бюджета, и это объективный фактор, который также нужно учитывать.

Необходимость корректировки национальной экономической модели определялась еще до событий 2022 г. самим состоянием российской экономики. Несмотря на значительный экономический рост

¹⁵ См.: *Прямая линия с Владимиром Путиным*. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65973>.

первых лет нового тысячелетия, начиная с 2013 г. Российская Федерация стала находиться в состоянии затяжной рецессии и стагнации. В период с 2013 по 2021 г. ВВП страны вырос всего на 4,7% (в 2020–2021 гг. на это влияли и экономические последствия пандемии коронавируса). Общим итогом развития в этот период были низкие темпы роста и низкая эффективность производства, неудовлетворительные итоги социального развития в РФ. Все это объективно требовало перехода на модель возобновляющегося экономического роста [1].

Во-вторых, новая сибирская модель развития должна быть основана на *реализации принципов интеграции и взаимодействия*, ведь именно они приводят к «эффекту эмерджентности» и использованию потенциала синергии. Но современная бизнес-элита как в Российской Федерации в целом, так и в Сибири, по нашему мнению, пока не обладает должным менталитетом сотрудничества, каждый преследует собственные локальные интересы (а это уже сфера действия субъективных факторов). Конечно, ряд российских и сибирских компаний показывают сильные примеры использования принципов интеграции и взаимодействия, но пока это не стало всеобщей практикой.

В результате исчез сам «дух кооперации», лежавший в основе первых сибирских мегапроектов. Это сопровождается излишней конкуренцией регионов и компаний за внимание и ресурсы федерального центра, что тормозит интеграционные процессы. Формальные институты развития подавляют неформальные, основанные, как полагает А.А. Аузан, на идее «культурных кодов экономики» [2]. Они сильно сказываются на «эффекте колеи», который не дает стране перейти от одной модели развития к другой. Однако А.А. Аузан делает важное признание: «Тем, кто из наличия эффекта колеи делает неожиданный вывод, что наша страна обречена на пребывание в этой траектории движения, на постоянное дежавю и повторения уже прожитых ситуаций, и что нечего и суетиться – так работает закон истории – этим людям я хочу заметить: я с вами категорически не согласен. Эффект колеи – это диагноз, а не приговор» [2, с. 7]. А правильный диагноз – это первый и самый необходимый этап излечения человека, экономики или общества.

Экстраординарное время, в котором сейчас развивается РФ, требует экстраординарных мер по управлению экономикой и социальной сферой страны, когда оперативно должны приниматься решения, ранее обсуждавшиеся годами. Новое время и новые вызовы поневоле будут заставлять власть и бизнес заново учиться в «школе взаимодействия» (пока это наша рабочая гипотеза), и это должно стать важнейшей новой мотивацией элит. Осуществляемые по приказу, взаимодействия и интеграция будут чисто формальными. Если это не воспримет существующее поколение управленцев и бизнесменов, придет новое поколение, которое рано или поздно воспримет эти уроки.

Что касается самой возможности новой модели развития Сибири, то важнейшие принципы и элементы такой модели уже реализуются в других странах, и в более целостном виде – в Китае. То есть это говорит о принципиальной возможности функционирования такой модели. Другое дело, что для этих целей, например, КНР использует специфические условия, рычаги и механизмы развития, невоспроизводимые в других государствах (жесткое централизованное партийное руководство, не мешающее, впрочем, гибко реализовывать рыночные принципы развития и дающее губернаторам провинций большие права по регулированию социально-экономического развития их территорий; веками сформированный особый менталитет китайской нации и т.д.).

Тем не менее, как было показано выше, даже в сложных условиях современного и ближайшего среднесрочного периода в России и Сибири могут начать формироваться «зародыши», элементы новой модели развития.

В заключение констатируем три важных момента.

Во-первых, российская экономическая наука готова ответить на новые вызовы, касающиеся модернизации и гармонизации сибирского пространства. Так, 8 декабря 2023 г. директор ИЭОПП СО РАН академик В.А. Крюков выступил с докладом в ходе парламентских слушаний в Комитете Совета Федерации по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера, посвященных ходу реализации Основ государственной поли-

тики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года и Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Он предложил пять необходимых шагов для успешной реализации целей пространственного развития России:

- определение и выполнение процедур регулирования (индикативного планирования), формирования и реализации цепочек создания стоимости (социальной ценности);
- определение состава ключевых (импульсных) цепочек создания стоимости (социальной ценности), в том числе внутрирегиональных и межрегиональных, и этапов их воссоздания в экономике;
- формирование системы органов регулирования и реализации комплексных проектов на основе цепочек создания стоимости (социальной ценности);
- формирование современной информационной инфраструктуры для реализации предлагаемых проектов;
- подготовка кадров, обладающих необходимыми компетенциями и навыками.

Все предлагаемые меры четко вписываются в формулировки новой модели развития Сибири.

Во-вторых, в предлагаемых направлениях реализации новой пространственной политики Российской Федерации важно, чтобы Сибирь и Дальний Восток составляли единый блок в отстаивании общих принципов и подходов в отношении их государственной поддержки. Ранее мы неоднократно говорили о целесообразности принятия федерального закона «О государственной политике по поддержке развития Сибири и Дальнего Востока».

В-третьих, основной посыл (и где-то даже пафос) данной статьи – тезис о том, что именно российская наука способна и должна быть флагманом преобразований российской экономики и общества, научно-технологической основой новых моделей развития России и ее регионов. Она обладает для этого как необходимым опытом, так и современными компетенциями. Но нужна сильнейшая поддержка рос-

сийской науки со стороны государства, причем поддержка не только прикладных разработок в интересах экономики и безопасности страны, но и всей системы фундаментальных исследований. Профессия ученого вновь должна стать самой престижной, должнократно возрасти стимулирование научного труда. Это приведет к тому, что наука действительно станет «непосредственной производительной силой общества». Сибирское отделение РАН как один из наиболее эффективных сегментов российской науки накопило огромный опыт самоорганизации и самоуправления, и его институты совместно с высшей школой Сибири способны стать лидерами реализации новой сибирской модели развития.

Сила будущей Сибири не в стремлении к автаркии. Сила Сибири в том, чтобы быть эпицентром центростремительных сил будущей России, ее важнейшим интеграционным ядром. Очень хотелось бы, чтобы это понял прогрессивный российский бизнес, федеральная и региональная власть помогала в таких преобразованиях, а сибирская наука стала их лидером.

Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект «Региональное и муниципальное стратегическое планирование и управление в контексте модернизации государственной региональной политики и развития цифровой экономики», № 121040100283-2

Список источников

1. Аганбегян А.Г. Три главных социально-экономических вызова, стоящих перед Россией, и 15 ответных шагов // Экономические стратегии. – 2022. – № 6. – С. 6–15.
2. Аузан А.А. Культурные коды экономики: Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа. – М.: АСТ, 2022. – 160 с.
3. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики: Учебник для вузов. – 3-е изд. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 495 с.
4. Крюков В.А. В основе – конструктивное взаимодействие // ЭКО. – 2023. – № 7. – С. 4–7.
5. Крюков В.А., Селиверстов В.Е. От континентального и ресурсного проклятья Сибири к институциональной гармонии // Преодоление «континентального

проклятья»: будущее Сибири / Отв. ред. В.М. Котляков, В.А. Шупер. – М.: Медиа-ПРЕСС, 2022. – С. 101–140. – (Вопросы географии; № 154).

6. *Крюков В.А., Селиверстов В.Е.* Стратегическое планирование пространственного развития России и ее макрорегионов: в плену старых иллюзий // Российский экономический журнал. – 2022. – № 5. – С. 22–40.

7. *Маркова В.Д., Салтыков Е.Т., Сартбаев М.М., Селиверстов В.Е.* Научно-образовательное сотрудничество Сибири и Казахстана: между прошлым и будущим // Регион: экономика и социология. – 2023. – № 3 (119). – С. 234–264. DOI: 10.15372/REG20230310.

8. *Минерально-сырьевой сектор Азиатской России: как обеспечить социально-экономическую отдачу* / Под ред. акад. РАН В.В. Кулешова – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2015. – 352 с.

9. *Новый импульс Азиатской России: источники и средства развития: В 2 т.* / Под ред. В.А. Крюкова, Н.И. Суслова. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2023. – Т. 1. – 418 с.

10. *Основные положения XIV пятилетнего плана народно-хозяйственного и социального развития КНР и перспектив до 2035 года.* (На кит. яз.). – URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm (дата обращения: 12.10.2023).

11. *Пармон В.Н., Крюков В.А., Селиверстов В.Е.* Трансграничные взаимодействия на востоке России: научное сопровождение и задачи Сибирского отделения РАН // Регион: экономика и социология. – 2020. – № 2 (106). – С. 226–258.

12. *Преодоление «континентального проклятья»: будущее Сибири* / Отв. ред. В.М. Котляков, В.А. Шупер. – М.: Медиа-ПРЕСС, 2022. – 528 с. – (Вопросы географии; № 154).

13. *Селиверстов В.Е.* Региональное стратегическое планирование: от методологии к практике / Отв. ред. В.В. Кулешов. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2013. – 435 с.

14. *Сибирь в первые десятилетия XXI века* / Отв. ред. В.В. Кулешов. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2008. – 788 с.

15. *Сморodinская Н.В., Катуков Д.Д.* Иранский опыт пребывания под санкциями: макроэкономические итоги и выводы для России // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2023. – № 6. – С. 27–42.

16. *Сунь Чжунанчжи.* Строительство «Пояса и пути» и евразийское региональное управление в перспективе модернизации // VII Форум аналитических центров российско-китайских экономических взаимодействий: Сб. тр. – Харбин, Китай, 2023. – С. 229–233. – (На кит. яз.).

17. *Хикл У.* Проблемы общественной собственности: Модель Аляски – возможность для России? – М.: Прогресс, 2004. – 360 с.

18. *Auty R.M., Furlonge H.I.* The Rent Curse: Natural Resources, Policy Choice, and Economic Development. – Oxford: Oxford University Press, 2019.

19. Kryukov V.A., Lavrovskii B.L., Seliverstov V.E., Suslov V.I., Suslov N.I. Siberian development vector: based on cooperation and interaction // Studies on Russian Economic Development. – 2020. – Vol. 31, No. 5. – P. 495–504. DOI: 10.1134/S1075700720050111.
20. Kryukov V.A., Seliverstov V.E. From the continental and resource curse of Siberia to institutional harmony // Regional Research of Russia. – 2021. – Vol. 11, Iss. 1 suppl. – P. S1–S12.
21. Kryukov V.A., Seliverstov V.E. The space and economy of Siberia: from studying the features of development to designing directions for the growth of social value // Studies on Russian Economic Development. – 2022. – Vol. 33, No. 5. – P. 488–494.
22. Measham T.G., Poruschi L., Marcos-Martinez R. Fuelling regional development or exporting value? The role of the gas industry on the Limestone Coast, South Australia // Extract. Ind. Soc. – 2020. – No. 7. – P. 628–638.
23. Petroleum Industry in Norwegian Society: Parliamentary Report No. 25 (1973–74) / Royal Norwegian Ministry of Finance. – Oslo, 1974. – URL: https://www.regjeringen.no/globalassets/upload/fin/okonomiavdelingen/stmeld_25_1973-74.pdf (дата обращения: 05.01.2024).
24. Seliverstov V.E. Connectivity of the Siberian space: problems and solutions // Regional Research of Russia. – 2021. – Vol. 11, Iss. 1 suppl. – P. S23–S34.
25. Seliverstov V.E. The “five-year plan” of spatial development and regional policy of Russia: running in place or readiness for a sprint? // Regional Research of Russia. – 2022. – Vol. 12, Iss. 2. – P. 177–191.
26. Seliverstov V.E., Kravchenko N.A., Klitorin V.I., Yusupova A.T. Russian regions and the federal center against global threats: a year of fighting COVID-19 // Regional Research of Russia. – 2021. – Vol. 11, Iss. 4. – P. 405–418.
27. Seliverstov V.E., Melnikova L.V., Kolomak E.A., Kryukov V.A., Suslov V.I., Suslov N.I. Spatial Development Strategy of Russia: expectations and realities // Regional Research of Russia. – 2019. – Vol. 9, Iss. 2. – P. 155–163.

Информация об авторе

Селиверстов Вячеслав Евгеньевич (Россия, Новосибирск) – доктор экономических наук, заведующий Центром стратегического анализа и планирования Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, директор Международного научного центра СО РАН по проблемам трансграничных взаимодействий в Северной и Северо-Восточной Азии (630090, Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17). E-mail: sel@ieie.nsc.ru.

DOI: 10.15372/REG20240102

Region: Economics & Sociology, 2024, No. 1 (121), p. 66–114

V.E. Seliverstov

A NEW MODEL FOR SIBERIA'S DEVELOPMENT: EXPLORING THE CONTOURS AND FEASIBILITY

The article delves into the necessity and underlying factors contributing to the formulation of a novel development model for Siberia. It provides definitions and concepts on both national and regional development models. The features and strategies for implementing Siberia's development model under the current challenges and recent threats are outlined, which include five distinct types of maneuvers and adaptations to new development conditions: structural, transport and logistics, managerial, scientific and technological, and spatial maneuvers. We consider the contours of this prospective model for Siberia's development, specifically examining its viability during a transition towards a trajectory of Russia's renewable economic growth characterized by high quality. Six key vectors, representing fundamental principles and directions for such a model, are proposed. Among these, the most dominant are the shift towards a social value model of renewable growth, bolstering the connectivity of Asian Russia's space, and the establishment of a novel system for cross-border interactions. Drawing insights from the analysis of "The Outline of the 14th Five-Year Plan for Economic and Social Development and Long-Range Objectives through the Year 2035 of the People's Republic of China," the study illustrates that China's strategic plans practically align with such a development model. The conclusion offers an assessment of the feasibility of the proposed model for Siberia's development.

Keywords: national and regional development models; Siberian development model; spatial development; regional policy; eastern vector of Russia's development; connectivity of space; social value growth model; cross-border interactions; adaptation model of Siberia; Siberian Branch of the RAS

For citation: *Seliverstov, V.E. (2024). O konturakh i realisticnosti novoy modeli razvitiya Sibiri [A new model for Siberia's development: Exploring the contours and feasibility]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 1 (121), 66–114. DOI: 10.15372/REG20240102.*

The research was carried out with the plan of research work of IEIE SB RAS, project “Regional and municipal strategic planning and management regarding public regional policy modernization as well as digital economy development”, No. 121040100283-2

References

1. *Aganbegyan, A.G. (2022). Tri glavnykh sotsialno-ekonomicheskikh vyzova, stoyashchikh pered Rossiey, i 15 otvetnykh shagov [Three main socio-economic challenges facing Russia and 15 response steps]. Ekonomicheskie strategii [Economic Strategies], 6, 6–15.*
2. *Auzan, A.A. (2022). Kulturnye kody ekonomiki: Kak tsennosti vliyayut na konkurentsiyu, demokratiyu i blagosostoyanie naroda [Cultural Codes of the Economy: How Values Influence Competition, Democracy and the People's Well-Being]. Moscow, AST Publ., 160.*
3. *Granberg, A.G. (2003). Osnovy regionalnoy ekonomiki: Uchebnik dlya vuzov [Fundamentals of Regional Economics: Textbook for universities], 3rd ed. Moscow, SU HSE Publ., 495.*
4. *Kryukov, V.A. (2023). V osnove – konstruktivnoe vzaimodeystvie [The basis is constructive interaction]. EKO [ECO], 7, 4–7.*
5. *Kryukov, V.A. & V.E. Seliverstov. (2022). Ot kontinentalnogo i resursnogo proklyatya Sibiri k institutsionalnoy garmonii [From the continental and resource curse of Siberia to institutional harmony]. In: V.M. Kotlyakov, V.A. Shuper (Eds.). Preodolenie “kontinentalnogo proklyatya”: budushchee Sibiri [Overcoming the “Continental Curse”: The Future of Siberia]. Moscow, Media-PRESS Publ., 101–140. (Voprosy geografii [Problems of Geography], 154.)*
6. *Kryukov, V.A. & V.E. Seliverstov. (2022). Strategicheskoe planirovanie prostranstvennogo razvitiya Rossii i ee makroregionov: v plenu starykh illyuziy [Strategic planning of the spatial development of Russia and its macro-regions: Captured to old illusions]. Rossiyskiy ekonomicheskii zhurnal [Russian Economic Journal], 5, 22–40.*
7. *Markova, V.D., E.T. Saltykov, M.M. Sartbaev & V.E. Seliverstov. (2023). Nauchno-obrazovatelnoe sotrudnichestvo Sibiri i Kazakhstana: mezhdru proshlym i budushchim [Academic cooperation in Siberia and Kazakhstan: Between the past and the future]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 3 (119), 234–264. DOI: 10.15372/REG20230310.*
8. *Kuleshov, V.V. (Ed.). (2015). Mineralno-syryevoy sektor Aziatskoy Rossii: kak obespechit sotsialno-ekonomicheskuyu otdachu [Mineral and Raw Materials Sector*

of Asian Russia: How to Ensure Socio-Economic Impact]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 352.

9. Kryukov, V.A. & N.I. Suslov (Eds.). (2023). Novyy impuls Aziatskoy Rossii: istochniki i sredstva razvitiya: V 2 t. [New Impetus for Asian Russia: Sources and Means of Development: in 2 vols.], Vol. 1. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 418.

10. *The Outline of the 14th Five-Year Plan for Economic and Social Development and Long-Range Objectives through the Year 2023 of the People's Republic of China.* (In Chinese). Available at: https://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm (date of access: 12.10.2023).

11. Parmon, V.N., V.A. Kryukov & V.E. Seliverstov. (2020). Transgranichnye vzaimodeystviya na vostoке Rossii: nauchnoe soprovozhdenie i zadachi Sibirskogo otdeleniya RAN [Cross-border interactions in the Russian East: Research support and tasks before the Siberian Branch of the RAS]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 2 (106), 226–258.

12. Kotlyakov, V.M. & V.A. Shuper (Eds.). (2022). Preodolenie “kontinentalnogo proklyatya”: budushchee Sibiri [Overcoming the “Continental Curse”: The Future of Siberia]. Moscow, Media-PRESS Publ., 528. (Voprosy geografii [Problems of Geography], 154).

13. Seliverstov, V.E. & Kuleshov V.V. (Ed.). (2013). Regionalnoe strategicheskoe planirovanie: ot metodologii k praktike [Regional Strategic Planning: From Methodology to Practice]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 435.

14. Kuleshov, V.V. (Ed.). (2008). Sibir v pervye desyatiletia XXI veka [Siberia in the First Decades of the 21st Century]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 788.

15. Smorodinskaya, N.V. & D.D. Katukov. (2023). Iranskiy opyt prebyvaniya pod sanktsiyami: makroekonomicheskie itogi i vyvody dlya Rossii [Iranian experience under sanctions: macroeconomic results and implications for Russia]. Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk [The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences], 6, 27–42.

16. Sun Zhuangzhi. (2023). Belt and Road Initiative and regional governance in the Eurasian Region in the perspective of modernization. In: Proceedings of the Seventh High-level Sino-Russian Economic Cooperation Think Tank Forum. Collection of works. (In Chinese). China, Harbin, 229–233.

17. Hickel, W. (2004). Problemy obshchestvennoy sobstvennosti: Model Alyaski – vozmozhnost dlya Rossii? [Problems of Public Ownership: Model of Alaska – Opportunities for Russia]. Moscow, Progress Publ., 360.

18. Auty, R.M. & H.I. Furlonge. (2019). The Rent Curse: Natural Resources, Policy Choice, and Economic Development. Oxford, Oxford University Press.

19. Kryukov, V.A., B.L. Lavrovskii, V.E. Seliverstov, V.I. Suslov & N.I. Suslov. (2020). Siberian development vector: based on cooperation and interaction. Studies on Russian Economic Development, Vol. 31, No. 5, 495–504. DOI: 10.1134/S1075700720050111.

20. *Kryukov, V.A. & V.E. Seliverstov.* (2021). From the continental and resource curse of Siberia to institutional harmony. *Regional Research of Russia*, Vol. 11, Iss. 1 suppl., S1–S12.

21. *Kryukov, V.A. & V.E. Seliverstov.* (2022). The space and economy of Siberia: from studying the features of development to designing directions for the growth of social value. *Studies on Russian Economic Development*, Vol. 33, No. 5, 488–494.

22. *Measham, T.G., L. Poruschi & R. Marcos-Martinez.* (2020). Fuelling regional development or exporting value? The role of the gas industry on the Limestone Coast, South Australia. *Extract. Ind. Soc.*, 7, 628–638.

23. *Petroleum Industry in Norwegian Society*, Parliamentary Report No. 25 (1973–74). Royal Norwegian Ministry of Finance, Oslo. Available at: https://www.regjeringen.no/globalassets/upload/fin/okonomiavdelingen/stmeld_25_1973-74.pdf (date of access: 05.01.2024).

24. *Seliverstov, V.E.* (2021). Connectivity of the Siberian space: problems and solutions. *Regional Research of Russia*, Vol. 11, Iss. 1 suppl., S23–S34.

25. *Seliverstov, V.E.* (2022). The “five-year plan” of spatial development and regional policy of Russia: running in place or readiness for a sprint? *Regional Research of Russia*, Vol. 12, Iss. 2, 177–191.

26. *Seliverstov, V.E., N.A. Kravchenko, V.I. Klistorin & A.T. Yusupova.* (2021). Russian regions and the federal center against global threats: a year of fighting COVID-19. *Regional Research of Russia*, Vol. 11, Iss. 4, 405–418.

27. *Seliverstov, V.E., L.V. Melnikova, E.A. Kolomak, V.A. Kryukov, V.I. Suslov & N.I. Suslov.* (2019). Spatial Development Strategy of Russia: expectations and realities. *Regional Research of Russia*, Vol. 9, Iss. 2, 155–163.

About Author

Seliverstov, Vyacheslav Evgenievich (Novosibirsk, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Head of the Center for Strategic Analysis and Planning at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Director of the International Research Center SB RAS for Cross-Border Interactions in North and North-East Asia (17, Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russia). E-mail: sel@ieie.nsc.ru.

Поступила в редколлегию 13.11.2023.

После доработки 18.12.2023.

Принята к публикации 18.12.2023.

© Селиверстов В.Е., 2024